

Вера Мильгина (Москва)

ПУШКИН И СТЕНДАЛЬ: ГРАНИЦЫ ТЕМЫ

Проблеме «Пушкин и Стендаль» посвящено значительное число научных работ, в которых высказано немало соображений о близости двух авторов и о параллельности их творческих поисков¹. Между тем достоверные сведения о знакомстве Пушкина с произведениями своего французского современника и его отношении к ним весьма немногочисленны. Известно, что весной 1831 г. Пушкин читал «Красное и черное». Первый том этого романа он прочел в мае 1831 г. и, отсылая книгу к Е. М. Хитрово, снабжавшей его произведениями новейшей французской словесности, «умолял» ее прислать ему второй том, присовокупляя, что от первого он «в восторге»²; второй том был прочтен в июне и удостоился гораздо более сдержанной оценки: «„Красное и черное“ хороший роман, несмотря на разглагольствования в некоторых местах и на несколько замечаний дурного вкуса»³. Собственно, этим достоверные сведения о реакции Пушкина на творчество Стендаля исчерпыва-

¹ Библиографию см. в: Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 321–322 (статья Л. И. Вольперт).

² Письмо от второй половины (18–25) мая 1831 г. — *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.], 1937–1949. Т. 14. С. 166 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома (римскими цифрами) и страниц (арабскими)).

³ Письмо к Е. М. Хитрово от 9 (?) июня 1831 г. (XIV, 172, 427; ориг. по-фр.). В тексте перевода *fausses déclamations* по традиции переводят как «фальшивая риторика», но мне кажется, что слово «разглагольствования» точнее передает пушкинскую мысль.

ются⁴. Соображения исследователей о возможном знакомстве Пушкина с другими произведениями Стендаля основываются на зыбких формулах «Пушкин не мог не знать», «мимо внимания Пушкина вряд ли мог пройти» и т. п.

Впрочем, степень доказательности у этих рассуждений различна. Если присутствие в поле зрения Пушкина книг «О любви» и «Расин и Шекспир» сугубо гипотетично, ибо нет решительно никаких сведений о том, что он эти книги читал⁵, то знакомство Пушкина со стендалевской «байронианой» (письмо Стендаля о его общении с Байроном в 1816 г. и письмо Байрона к Стендалю от 29 мая 1823 г.), на которое указала Т. В. Кочеткова⁶, представляется почти несомненным, поскольку книги, в которых увидели свет эти эпистолярные документы, имелись в библиотеке Пушкина, а интерес его к фигуре Байрона был неизменно велик. Более того, письмо Байрона к Стендалю было напечатано не где-нибудь, а в преамбуле Дельвига к публикации фрагмента из «Прогулок по Риму» в № 59 «Литературной газеты» (18 октября 1830 г.). Однако знать текст еще не значит соглашаться с ним.

Для Стендаля Байрон велик постольку, поскольку забывает о своем благородном происхождении, напротив, идея представляться английским лордом, убежден Стендаль, не может не вызывать у человека, имеющего хоть

⁴ В библиотеке Пушкина кроме «Красного и черного» имелся еще сборник «Додекатон, или Книга 12 авторов», в который вошла новелла Стендаля «Любовный напиток», однако, поскольку сборник этот вышел в конце 1836 г. (а на титульном листе вообще указан год 1837-й), о следах рецепции этой повеллы в пушкинском творчестве говорить не приходится.

⁵ Соответствующие предположения объясняются, на мой взгляд, тем, что точку зрения пушкинских современников, для которых Бейль-Стендаль был одним из многочисленных французских литераторов, и притом далеко не самым известным, подменяет современная точка зрения, согласно которой Стендаль канонизирован как великий писатель. О том, насколько неустойчивой была репутация Стендаля на рубеже 1820—1830-х гг., свидетельствует, например, разброс мнений касательно «Красного и черного»: если для Вяземского это «замечательное творение» (письмо Пушкину от 14 августа 1831 г. — XIV, 214), то для Н. И. Тургенева это роман «в новом уродливом французском вкусе» (письмо А. И. Тургеневу от 1 октября 1831 г. — РО ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 231, л. 50).

⁶ См.: Кочеткова Т. В. Стендаль в личной библиотеке Пушкина // Пушкинский сборник. Рига, 1968. С. 114—123.

сколько-нибудь гордости, справедливого отвращения: «Итальянцы удивлялись особенно тому, что сей великий поэт гораздо более уважал в себе потомка норманнских Баронов, которые сопутствовали Вильгельму при завоевании Англии, нежели автора *Паризины* и *Лары*. (...) В остальное время вечера великий человек до такой степени походил на Англичанина и на Лорда, что я никогда не мог решиться у него отобедать, несмотря на приглашения, часто возобновляемые»⁷.

Относительно этих слов мы можем быть абсолютно уверены, что Пушкин их знал и помнил (хотя и не можем утверждать наверняка, что он помнил об их принадлежности Стендалю), поскольку ими открывается не только книга Т. Мура о Байроне⁸, но и очерк о Байроне самого Пушкина (1835): «Говорят, что Б(айрон) своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему и мелочные оскорбления, часто унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молве» (XI, 275). Между тем именно то чувство, которое было «понятно» Пушкину и Байрону, оставалось непонятно демократу Стендалю⁹.

Представляется, что сходные сословные мотивы обусловили и скептицизм Пушкина по поводу «фальшивых

⁷ Цит. перевод письма Стендаля, опубликованный в «Вестнике Европы» (1829. № 1. С. 69–70); ориг. см.: *Swenton-Belloc L. Lord Byron. Paris, 1824. T. 1. P. 354* (первая публикация стендалевского письма).

⁸ В пушкинской библиотеке книга Мура имела в французском переводе: *Mémoires de Lord Byron / Publ. par Th. Moore; Traduits de l'anglais par M-me Louise Sw.-Belloc. Paris, 1830*; процитированную фразу см.: Т. 1. Р. 1; вариант Мура отличается от первоначального стендалевского текста заменой «*Паризины*» и «*Лары*» на «*Чайльд-Гарольда*» и «*Манфреда*». Отметим, что Мур — а вслед за ним и Пушкин, — не упоминает авторства Бейля-Стендаля, а вводит цитату в безличной форме: «О Байроне было сказано...». Об автобиографическом подтексте начала пушкинской статьи см.: *Долинин А. А. Пушкин и Англия. М., 2007. С. 202–205*.

⁹ Ср. известный эпизод эпистолярной полемики с Рылевым, который упрекал Пушкина в том, что он, в подражание Байрону, чванится пятисотлетним дворянством, а Пушкин не только не отрекался от этого чванства, но уточнял, что дворянство его на сто лет «старее» (XIII, 218).

разглагольствований» и «замечаний дурного вкуса» в «Красном и черном». Четырьмя годами позже в рецензии на произведение не французского, а русского автора Пушкин поставил диагноз, который, кажется, должен был считать верным и применительно к Стендалю или, по крайней мере, к его герою. Я имею в виду неоконченную и оставшуюся неопубликованной статью о «Трех повестях» (1835) Н. Ф. Павлова, написанную, по всей вероятности, незадолго до статьи о Байроне¹⁰. В поведении героя повести «Именины» (крепостного музыканта, выслужившего свободу в армии) Пушкин усмотрел «черты, обнаруживающие холопа»: «Верьте, что не сметь сесть, не знать, куда и как сесть — это самое мучительное чувство!.. Зато я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадется. Понимаете ли вы удовольствие отвечать грубо на вежливое слово; едва кивнуть головой, когда учтиво снимают перед вами шляпу, и развалиться на креслах перед чопорным баричем, перед чинным богачом?» — и вынес приговор этому герою, «видимо любимцу его (Павлова) воображения»: «Идеализированное лакейство имеет в себе что-то неестественное, неприятное для здравого вкуса» (XII, 9)¹¹.

В герое «Красного и черного», крестьянине Жюльене Сореле (Стендаль многократно подчеркивает это его низкое происхождение), Пушкина должно было насторожить то же самое, что отвратило его от героя «Именин», — внутренние монологи «бунтующего плебея», для которого тщеславная радость, вызванная тем, что он покорил сердце дворянки, порой оказывается важнее самой любви. Эту точку зрения плебея разделял и сам автор «Красного и черного»¹², однако ее никоим образом не разделял Пуш-

¹⁰ Уточнение датировки статьи о Павлове (середина марта — начало апреля 1835 г.) см.: *Тархова Н. А.* Заметки к «Летописи»: (О новых датировках некоторых писем и произведений Пушкина) // Пушкин и его современники. СПб., 2002. Вып. 3. С. 358—359. На первой странице рукописи статьи о Байроне выставлена дата 25 июля 1835 г.

¹¹ Приговор звучит особенно безжалостно, если учесть, что сам Павлов также родился в крепостном звании.

¹² Ср. пронизательный анализ соответствующей позиции Стендаля в статье Ж. Старобинского «Псевдонимы Стендаля»: «Стендаль живет в эпоху, когда быть буржуа не позорно (...). Но Стен-

кин, который вообще мало интересовался психологией плебеев, а социальные мезальянсы в любви изображал только невсерьез, в маскарадном виде («Дубровский», «Барышня-крестьянка»)¹³.

Тем не менее чтение «Красного и черного» все-таки оставило след в пушкинском творчестве, однако и этот след, до сих пор, насколько мне известно, не отмеченный в научной литературе, носит полемический характер. В главе «Страсбург» (т. 2, гл. 24) русский князь Коразов, убедившись, что Жюльен чем-то подавлен, говорит ему: «Это уже просто дурной тон; вы что, разорились, потеряли все состояние или, может быть, влюбились в какую-нибудь актрису?» И далее Стендаль добавляет собственный комментарий: «Русские старательно копируют французские нравы, только отставая лет на пятьдесят. Сейчас они подражают веку Людовика XV»¹⁴.

Второй том «Красного и черного» Пушкин закончил читать в начале июне 1831 г. — и немедленно использовал этот «русский» фрагмент в «Рославлеве», над которым работал в то же самое время (в тексте черновой рукописи стоит дата 22 июня 1831 г.): «Все говорили о близкой войне и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством» (VIII, 152). Диагноз о подражании веку Людовика XV, на мой взгляд, бесспорно восходит к Стендалю, однако Пушкин Стендаля «поправляет». Ведь действие «Рославлева» происходит в 1812 г., а действие «Красного и черного» — в 1830-м (если

даль выбирает для себя суд аристократического общества. Вообще у Стендаля заметна ностальгия по либертинским удовольствиям знати XVIII столетия, то есть того мира, где ему не было бы места. {...} Стендаль страстно желает изменить свое социальное положение, не переставая мечтать о естественности, как о земле обетованной. {...} Когда он берется за перо, его цель — повысить свой престиж в обществе, а не создать литературное произведение. Литературная известность должна стать для него пропуском в высшее общество», куда он страстно хочет, хотя столь же страстно это общество презирает (*Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. М., 2002. Т. 1. С. 427, 409).

¹³ «Арап Петра Великого» не в счет, поскольку своего предка Ибрагима Пушкин плебеом ни в ком случае не считал.

¹⁴ *Стендаль.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 1. С. 492 (пер. С. Боброва и М. Богословской под ред. А. А. Смирнова).

исходить из упоминания в тексте романа премьеры «Эрнани», состоявшейся, как известно, 25 февраля 1830 г.), когда образцы для подражания у русских сменились¹⁵.

Читая «Красное и черное», Пушкин обратил внимание на фигуру русского князя и заимствовал у Стендаля характеристику русских, но уточнил ее, переадресовав людям иного поколения, — и тем самым косвенно упрекнул Стендаля в неточности, то есть не согласился с ним даже в мелочи.

Эта мелочь и есть единственный конкретный пример использования Пушкиным текста Стендаля. Все же остальные выводы о близости Пушкина и Стендаля (в том числе типологической) представляются мне не вполне обоснованными расширениями темы: слишком уж различными были исходные социальные — да и стилистические¹⁶ — установки двух авторов.

¹⁵ Этот анахронизм хорошо почувствовал Набоков, упрекнувший Стендаля в том, что его русские 1830 года на самом деле «принадлежат к литературному типу путешествующего москвитя XVIII столетия» (*Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 132)

¹⁶ Краткость была мечтой Стендаля, но на практике она ему давалась далеко не всегда. Ср. суждение А. В. Чичерина, пашедшего в «Красном и черном» «повторения и перепевы», «излишние нагнетания и повторы» в самом строении фразы (*Чичерин А. В.* Пушкин, Мериме, Стендаль // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 149). Пушкинская Саша в «Романе в письмах» «и в Вальтер Скотте находила лишние страницы» — сколько же таких страниц должен был найти Пушкин в «Красном и черном»?

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом) РАН

КУЛЬТУРНЫЙ ПАЛИМПЕСТ

*Сборник статей
к 60-летию
Всеволода Евгеньевича Багно*

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2011